

Владимир Соловьев

Поэзия Я. П. Полонского.

I

Самый вдохновенный из английских поэтов, Шелли, так говорит о начале своего творчества:

Есть Существо, есть женственная Тень,
Желанная в видениях печальных.

На утре лет моих первоначальных
Она ко мне являлась каждый день,
И каждый миг среди лесных прогалин,
Среди замороженных диких гор,
Среди воздушных замков и развалин
Она пленяла детский жадный взор.
Меняясь в очертаньях несказанных,
Скользя своей стопой по ткани снов.

Она пришла с далеких берегов,
Из областей загадочно-туманных,
Красавицей нездешних островов,
И в летний день, ликующий и жаркий,
Когда небесный свод огнем блистал,
Она прошла такой чудесно-яркой.
Что я - увы! - ее не увидел.

Но и невидимая в своем собственном образе, она давала себя чувствовать поэту во всем, что было от нее:

В глубокой тишине уединенья,
Среди благоухания цветов.
Под шум ручьев, под звонкое их пенье,
Сквозь гул неумолкающих лесов,
Она со мною тихо говорила,
И все дышало только ей одной,
Река с своей серебряной волной,
И сонмы туч, и дальние светила,
Влюбленный воздух, теплый ветерок,
И дождевой сверкающий поток,
155

И пенье летних птиц, и все, что дышит,
Что чувствует, звучит, живет и слышит.
В словах высоких вымыслов и снов,
И в песнях и в пророчествах глубоких,
В наследии умчавшихся веков,
Отшедших дней и близких, и далеких,
В любви к другим, в желаньи светлым быть,
В сказаньях благородного ученья,
Что нам велит навек себя забыть
И познавать блаженный смысл мученья,
Во всем она сквозила и жила,
В чем правда и гармония была*.

Все истинные поэты так или иначе знали и чувствовали эту "женственную Тень", но немногие так ясно говорят о ней; из наших яснее всех - Я. П. Полонский. Это тем более замечательно, что если мы возьмем совокупность его произведений (хотя бы только стихотворных), то далеко не найдем здесь той полной гармонии между вдохновением и мыслью и той твердой веры в живую действительность и превосходство поэтической истины сравнительно с мертвящею рефлексией, - какими отличаются, например, Гете или Тютчев.

Отзывчивый сын своего века, Полонский был впечатлителен и к тем движениям новейшей мысли, которые имели антипоэтический характер; во многих его стихотворениях преобладает рассудочная рефлексия и прозаический реализм. И однако же, никто, после Шелли, не указал с такою ясностью на сверхчеловеческий "запредельный" и вместе с тем совершенно действительный и даже как бы личный источник чистой поэзии:

В дни ребячества я помню
Чудный отроческий бред:
Полюбил я Царь-девицу,

Что на свете краше нет.

На челе сияло солнце,
Месяц прятался в косе,
По косицам рдели звезды,

Бог сиял в ее красе.
И жила та Царь-девица

Не доступна никому

И ключами золотыми

Замыкалась в терему.

Только ночью выходила

Шелестеть в тени берез:

То ключи свои роняла,

То роняла капли слез. * Цитирую по прекрасному переводу г. К. Бальмонта
(Соч. Шелли, выпуск 4, Москва, 1896).

156

Только в праздники, когда я

Полусонный брел домой,

Из-за рожи яркий, влажный

Глаз ее следил за мной.

И уж как случилось это,

Наяву или во сне?!

Раз она весной, в час утра,

Зарумянилась в окне:

Всколыхнулась занавеска,

Вспыхнул роз махровых куст,

И, закрыв глаза, я встретил

Поцелуй душистых уст.

Но едва-едва успел я

Блеск лица ее поймать,

Ускользя, гостя ко лбу

Мне прижгла свою печать.

С той поры ее печати

Мне ничем уже не смыть,

Вечно юной Царь-девице

Я не в силах изменить...

Жду, - вторичным поцелуем

Заградив мои уста,

Красота в свой тайный терем

Мне отворит ворота {1}.

Ясно, что поэт здесь искренен, что это его настоящая вера, хотя бы порою он и колебался в ней. Пусть, уступая на минуту ходячему мнению, он называет откровение истины - "бредом", - он "не в силах изменить" тому, что ему открылось в этом бреду. Для его лучшего сознания красота и поэзия не могла уже быть пустым обманом, он, как и Шелли, знал, что это - существо и истинная сущность всех существ, и если она и является как тень, то не от земных предметов. "Есть существо, есть женственная тень...". "Бог сиял в ее красе..." Так ли говорят поэты, не верящие в поэзию? Для блестящего и несчастного Лермонтова она была лишь созданием его мечты.

Люблю мечты своей созданье

С глазами полными лазурного огня,

С улыбкой розовой, как молодого дня

За рощей первое сиянье... {2}

Но если поэтическая истина есть только создание мечты, то вся жизнь есть лишь "пустая и глупая шутка", с которою всего лучше покончить в самом начале. Счастлив поэт, который не потерял веры в женственную Тень Божества, не изменил вечно юной Царь-девице: и она ему не изменит и сохранит юность сердца и в ранние, и в поздние годы.

157

II

Много поэтических мыслей, благородных чувств и чудесных образов внушила не изменившему ей певцу его Царь-девица. Прежде чем отметить и подчеркнуть в отдельности те стихотворения и части стихотворений, на которых особенно видна ее печать, укажу на общую им всем черту, отличающую творчество Полонского сравнительно с другими поэтами, не только уступающими или равными ему, но и превышающими его силою художественного гения. Впрочем, с точки зрения строгой эстетической доктрины эта отличительная черта в поэзии Полонского, может быть, скорее недостаток, чем достоинство, - я этого не думаю, - во всяком случае несомненно, что эта черта оригинальная и в высшей степени пленительная. Ее можно выразить так, что в типичных стихотворениях нашего поэта самый процесс вдохновения, самый переход из обычной материальной и житейской среды в область поэтической истины остается

Соловьев В. Поэзия Я.П. Полонского filosoff.org

ощутительным: чувствуется как бы тот удар или толчок, тот взмах крыльев, который поднимает душу над землю. Этот переход из одной сферы в другую существует, конечно, для всех поэтов, так как он есть неизбежное условие истинного творчества; но у других поэтов он далеко не так чувствителен, в их произведениях дается уже чистый результат вдохновения, а не порыв его, который остается скрытым, тогда как у Полонского он прямо чувствуется, так сказать, в самом звуке его стихов.

Вот два примера наудачу. Стихотворение "Памяти Ф. И. Тютчева":

Оттого ль, что в Божьем мире

Красота вечна,

У него в душе витала

Вечная весна,

Освежала зной грозою

И сквозь капли слез

В тучах радугой мелькала

Отраженьем грез.

Оттого ль, что от бездушья,

Иль от злобы дня,

Ярче в нем сверкали искры

Божьего огня,

С ранних лет и до преклонных

Безотрадных лет

Был к нему неравнодушен

Равнодушный свет.

Оттого ль, что не от света

Он спасенья ждал,

Выше всех земных кумиров

158

Ставил идеал,

Песнь его глубокой скорбью

Западала в грудь

И как звездный луч, тянула

В бесконечный путь.

Разве не чувствуется здесь, как тот звездный луч, который тянул Тютчева, тянет и самого Полонского в тот же бесконечный путь вверх от бездушья и злобы дня. В последней строфе, которую не привожу, поэт опять спускается в эту злобу дня и прозу {3}. Внимательный читатель заметит кое-что прозаическое и в трех приведенных строфах, но в такой мере, которая не только не мешает их чарующему впечатлению, а, напротив, входит в его состав: чувствуешь в поэтическом порыве и ту землю, от которой он оттолкнулся.

То не ветер - вздох Авроры

Всколыхнул морской туман;

Обозначились горы

И во мгле Данаев стан... {4}

В этом вздохе Авроры разве не слышится вздох поэзии, всколыхнувший житейский туман в душе поэта? К лучшим стихотворениям Полонского всего более применимо то удивительное определение или описание поэзии, которое дает гениальный лирик Фет:

Одним толчком согнать ладью живую

С наглаженных отливами песков,

Одной волной подняться в жизнь иную.

Учуять ветер с цветущих берегов.

Тоскливый сон прервать единым звуком,

Упитья вдруг неведомым, родным,

Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,

Чужое вмиг почувствовать своим;

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,

Усилить бой бестрепетных сердец,

Вот чем певец лишь избранный владеет!

Вот в чем его и признак и венец! {5}

Этот размах и толчок, сгоняющий живую ладью поэзии с гладких песков прозы, почти всегда чувствуется у нашего поэта - чувствуется даже тогда, когда он остался неуспешным, только раскачал, но не сдвинул ладью, - как, например, в юбилейном гимне Пушкину: и здесь ощутителен порыв вдохновения, но без соответствующего результата - само стихотворение неудачно и легко поддается пародии. Но зато как прекрасно юбилейное приветствие, обращенное к Фету:

159

Ночи текли, - звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...

Капали слезы, - рыдала любовь, - и алел

Жаркий рассвет, - и те грезы, что в сердце мы тайно лелеяли,

Трель соловья разносила, и бурей шумел
Моря сердитого вал,- думы зрели и - реяли
Серые чайки... Игру эту боги затеяли... {6}
Поэзия есть участие человека в этой игре, затеянной богами; каждый поэт
видит ее и участвует в ней по-своему.

III

Область и характер поэзии Полонского как будто заранее очерчены в одном из
его первых по времени стихотворений:

Уже над ельником, из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,
Когда я рвал густую сеть плавучих
Болотных трав и водяных цветов.
То окружая нас, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумели тростники;
И наш челнок шел, медленно качаясь,
Меж топких берегов извилистой реки.
От праздной клеветы и злобы черни светской,
В тот вечер наконец мы были далеко,
И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко,
И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светло-русых кос.
Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысячи корней
Болотных трав невидимо сплеталось,
Подобно тысяче живых зеленых змей.
И мир иной мелькал передо мною,
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила...
И жизнь казалась мне суровой глубиной
С поверхностью, которая светла {7}.

Спутница поэта в ту минуту - кто бы она ни была и как бы ее ни звали
являлась верным прообразом его поэтической деятельности. "Пленительным
беспорядком" отличаются его произведения; есть и в них земной траур по
мирскому злу и горю, но голова его музы сияет золотистым отражением
небесного света; и в ее голосе смешиваются тайные слезы переживаемого горя
с пророческою сладостью лучших надежд; чувствительная - быть может даже
слишком - к праздности злобе светской, она стремится уйти туда, где за
колючими вершинами земли сияет золото вечер

160

них облаков, и там высказывается свободно и легко, с доверчивостью детской.

Полонский, как все истинные поэты и мыслители, ясно видит противоположность
между тем прекрасным и светлым миром, в котором живет его муза, и тою
суровою и темною глубиною жизни, где сплетаются болотные растения своими
змеиными корнями. Но как же он относится к этой общей и основной
противоположности,- в чем особенность его мирозерцания? Для сравнения
возьмем двух наиболее родственных ему лириков - Тютчева и Фета.
Тютчев, который глубже других поэтов чувствовал и ярче выражал и темную
основу всякой жизни, и светлый покров, наброшенный на нее богами, примирял
эту коренную противоположность чисто религиозным упованием на окончательную
победу светлого начала в Христе и в будущем христианском царстве. Фет, на
которого тьма и тяжесть бытия действовала более своею житейскою стороною,
обращенною к практической воле, не думал ни о каком примирении или
разрешении, а просто уходил в дрожащие напевы своей поэзии (его собственные
слова: "...и отчего в дрожащие напевы я уходил, и ты за мной уйдешь...")
{8}. Для Фета между двумя мирами нет ничего общего, они исключают друг
друга, и если жить и действовать приходится в мире практической воли, себя
пожирающей, то петь и творить можно, только совсем забывая об этом злом
мире, решительно повертываясь к нему спиной и уходя в область чистого
созерцания.

Полонский не остается при этой двойственности и разобщенности; не
отворачиваясь безнадежно от темной жизни, не уходя всецело в мир чисто
поэтических созерцаний и ощущений, он ищет между этими двумя областями
примирения и находит его в той идее, которая уже давно носилась в воздухе,
но вдохновляла более мыслителей и общественных деятелей, нежели поэтов. У
Полонского она сливается с его поэзией, входя более или менее явно в его
художественное настроение. Это идея совершенствования, или прогресса.
Над жизнью земного человека наш поэт не ставит, подобно переводчику
Шопенгауэра {9}, надпись из дантовского ада; для него эта жизнь не ад, а

Соловьев В. Поэзия Я.П. Полонского filosoff.org
только чистилище, она возбуждает в нем печаль, но не безнадежность. Хотя он не видит в истории тех ясных идеалов, в которые верил Тютчев, но она не есть для него, как для Фета, только торжище развратной толпы, буйной от хмеля преступлений,- он слышит в ней глагол, в пустыне вопиющий, неумолкаемо зовущий:

161

О подними свое чело!
Не верь тяжелым сновиденьям

Чтоб жизнь была тебе понятна,
Иди вперед и невозвратно

.Туда, где впереди так много
Сокровищ спрятано у Бога {10}.

Та безмятежная блаженная красота, которая открывается поэтическому созерцанию природы, должна будет открыться и в жизни человечества:

О, в ответ природе

Улыбнись, от века

Обреченный скорби

Гений человека!

Улыбнись природе!

Верь знаменованью:

Нет конца стремленью;

Есть конец страданью! {11}

Сильнее, чем в этих отвлеченных стихах, выражается бодрое чувство надежды на лучшую будущность в стихотворении "На корабле",- прекрасном образчике истинно поэтической аллегории, в которой конкретный частный образ так внутренне связан с более общою идеей, так ясно ее выражает, что вовсе нет надобности в особом указании на нее или в истолковании смысла стихотворения: этот смысл и его конкретное выражение здесь нераздельно слиты.

Стихает. Ночь темна. Свисти, чтоб мы не спали!..

Еще вчерашняя гроза не унялась:

Те ж волны бурные, что с вечера плескали,

Не закачав, еще качают нас.

В безлунном мраке мы дорогу потеряли,

Разбитым фонарем не освещен компас.

Неси огня, звони, свисти, чтоб мы не спали!

Еще вчерашняя гроза не унялась...

Наш флаг порывисто и беспокойно веет;

Наш капитан впотьмах стоит раздумья полн...

Заря, друзья, заря! Смотрите, как яснеет

И капитан, и мы, и гребни черных волн.

Кто болен, кто устал, кто бодр еще, кто плачет,

что бурей сломано, разбито, снесено

Все ясно: Божий день, вставая, зла не прячет...

Но не погибли мы, и много спасено...

Мы мачты укрепим, мы паруса подтянем,

Мы нашим топотом встревожим праздных лень,

И дальше в путь пойдем и дружно песню грянем:

Господь, благослови грядущий день! {12}

162

Светлых надежд на спасение родного корабля поэт не отделяет от веры в общее всемирное благо. Широкий дух Бесчеловечности, исключаящий национальную вражду, свойствен более или менее и другим нашим, как и вообще всем истинным, поэтам; но из русских, после Алексея Толстого, он всех решительнее и сознательнее выражается у Полонского, особенно в двух стихотворениях, посвященных Шиллеру и Шекспиру {13}.

С вавилонского столпотворенья

И до наших дней - по всей земле

Дух вражды и дух разъединенья

Держат мир в невежестве и зле.

У разноязычных, у разноплеменных,

У враждебных стран во все века

Только два и было неизменных

Всем сердцам понятных языка:

Не кричит ли миру о союзе кровном

Каждого ребенка первый крик,

Не для всех ли наций в роднике духовном

Черпает силу гения язык?

Не затем ли вся Европа встала,

Засветила тысячи огней
И отпела, и отликовала
Шиллера столетний юбилей.
Полонский, при всей своей неосторожности, свободен от обманов ребяческого оптимизма и не ждет золотого века на завтрашний день; он не думает, как один знаменитый писатель, что еще одно усилие людей благонамеренных и - и на земле водворяется мир, правда и блаженство.
Лучших дней не скоро мы дождемся:
Лишь поэты, вестники богов,
Говорят, что все мы соберемся
Мирно разделять плоды трудов,
Что безумный произвол свобода свяжет,
Что любовь прощеньем свяжет грех,
Что победа мысли смертным путь укажет
К торжеству отрадному для всех...
Путь далек, но вся Европа встала - и т. д.
Прогресс все-таки есть, хотя он меряется не годами, а лишь целыми веками:
Но вперед шагая с каждым веком,
Что мы видим в наш железный век?
Видим, - в страхе перед человеком
163

Опускает руки человек,
В побежденных сила духа воскресает.
Победитель, раздражая свет,
Не затем ли меч свой грозный опускает,
Что его пугает гром побед?
Меч упал, и вся Европа встала - и т. д.

О, Германии поэт всемирный!
Для тебя народы все равны,
Откликаюсь я на звон твой лирный
Тихим трепетом одной струны...
Той живой струны, что в глубине сердечной,
Братия, у всех у нас звучит
Всякий раз, когда любви нам голос вечный
Божий голос - громко говорит.
В том же смысле и обращение к Шекспиру:
Европы сын, повитый Альбионом!
Пока растет Европа - ты растешь.
Как Греция прошла на Запад с Аполлоном,
Так ныне на Восток с Европою, с законом
Искусства вечного ты с Запада идешь:
И раздвигается вдоль Севера граница
Так, если некогда китайским языком
Заговорят тобой в мир вызванные лица,
Мы за тобой в Китай с Европою пойдем.
Это было сказано более тридцати лет тому назад и оказалось пророчеством,
которое ныне начинает сбываться.

IV

В ранние годы надежды нашего поэта на лучшую будущность для человечества были связаны с его юношеской безотчетною верою во всемогущество науки:
Царство науки не знает предела,
Всюду следы ее вечных побед
Разума слово и дело,
Сила и свет.

Миру как новое солнце сияет
Светом науки, и только при нем
Муза чело украшает

Свежим венком {14}
Но скоро та же муза разрушила в нашем поэте это наивное поклонение мнимому царству науки, которая на самом деле только познает то, что бывает, а не творит то, что должно быть; он понял, что "мир с могущественной
164

ложью и бессильною любовью" может быть спасен и обновлен лишь иною, вдохновляющею силой - силой нравственной правды и верою "в Божий суд или Мессию":

С той поры, мужая сердцем,
Постигать я стал, о Муза,
Что с тобой без этой веры
Нет законного союза {15}.

Чем более зрелую становится поэзия Полонского, тем явственнее звучит в ней

Соловьев В. Поэзия Я.П. Полонского filosoff.org
религиозный мотив, хотя и в последних стихотворениях выражается более
стремление и готовность к вере, нежели положительная уверенность.

Жизнь без Христа – случайный сон.

Блажен, кому дано два слуха,
Кто и церковный слышит звон,
И слышит вещей голос Духа {16}.

И то и другое слышнее в тихий вечер жизни. Все обмануло, все прошло,
остаётся только вечность и её земной залог:

На все призывы без ответа
Уходишь ты, мой серый день,
Один закат не без приветов,
И не без смысла эта тень.
Я к ночи сердцем легковерней,
Я буду верить как-нибудь,
Что ночь, гася мой свет вечерний,
Укажет мне на звездный путь.

Чу! колокол... Душа поэта,
Благослови вечерний звон!
И жизнь и смерти призрак – миру
О чём-то вечном говорят,
И как ни громко пой ты, – лиру
Колокола перезвонят {17}.

Откуда, однако, это соперничество? и зачем подходить слишком близко к
колокольне? Пусть поэт слушает колокола на том расстоянии, на котором их
звон трогает, а не оглушает, и пусть его лира поет о том же вечном, о чем
звенят и они. Между духом, говорящим в лучших произведениях Полонского, и
голосом истинной религии, конечно, нет никакого противоречия, и наш славный
поэт может с доброй совестью благословлять вечерний звон, с которым так
хорошо гармонирует его неослабевающее вдохновение.

165

V

Индивидуальностью у каждого поэта, – как и у всякого другого существа, мы
называем то, что свойственно ему исключительно, в чем у него нет ничего
общего с другими. Это есть та, совершенно особенная, своеобразная печать,
которая налагается существом на все, ему принадлежащее, – у поэта, в
частности, – на все, что становится предметом его творчества. Ясно, что в
каждом единичном случае, для этого поэта, например, его индивидуальный
характер, как не выражающий никакого общего понятия, вовсе не может быть
определен словами, точно описан или рассказан. Индивидуальность есть
неизреченное, или несказанное, что только чувствуется, но не формулируется.
Оно может быть только закреплено собственным именем, и потому первобытная
мудрость народов видела в имени выражение самой глубочайшей сущности, самой
подлинной истины именуемого предмета.

Поэтому, если говорят, – как это приходится иногда слышать и читать, что
задача критики есть воспроизведение индивидуальности разбираемого писателя,
то это явное недоразумение. Критика есть во всяком случае рассуждение, а
прямым содержанием рассуждения не может быть то, что не выражается в общих
понятиях. Воспроизводить индивидуальное само по себе есть дело не критика,
а поэта; да и то, если этот поэт по преимуществу лирический, то он рискует
при этом выразить более свою, нежели чужую, индивидуальность. Так,
например, в прекрасном стихотворении Я. П. Полонского о Тютчеве,
приведенном в начале моей статьи ("Оттого ль, что в Божьем мире красота
вечна..."), хотя чувствуется в некоторой мере индивидуальность Тютчева, но
еще более отражается индивидуальность самого Полонского.

Прямая задача критики, – по крайней мере философской, понимающей, что
красота есть осязательное воплощение истины, – состоит в том, чтобы
разобрать и показать, что именно из полноты всемирного смысла, какие его
элементы, какие стороны или проявления истины особенно захватили душу поэта
и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках. Критик
должен "вскрыть глубочайшие корни" творчества у данного поэта не со стороны
его психических мотивов – это более дело биографа и историка литературы, – а
главным образом со стороны объективных основ этого творчества или его
идейного содержания.

166

Что же касается до единичной и единственной в своем роде индивидуальности
данного поэта, налагающей свою несказанную печать на его творчество, то ее
можно только отмечать, указывая на те произведения, в которых эта
индивидуальность чувствуется с наибольшей ясностью и полнотой {18}.

Вот, например, "Зимний путь" Полонского:

Ночь холодная мутно глядит
Под рождоу кибитки моей;

Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.
Мне все чудится, будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.
Или, например, это ("Качка в бурю"):
Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.
Скоро ночь, - темнеют ели...
Слышу ласково-живой
Тихий лепет: "на качели
Сядем, милый мой!"
Стан ее полувоздушный
Обняла моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Или, наконец, вот это ("Колокольчик"):
Улеглась метелица, путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей.
Погружай меня в сон, колокольчика звон,
Выноси меня, тройка усталых коней!
Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть: белый призрак луны
Смотрит в душу мою и былую печаль
Наряжает в забытые сны.
То вдруг слышится мне, - страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
"Ах, когда-то, когда-то мой милый придет
Отдохнуть на груди у меня!"

167

У меня ли не жизнь! Чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе
И трещит моя печь, озаряя в угле
За цветной занавеской кровать...
У меня ли не жизнь! Ночью ль ставень открыт,
По стене бродит месяца луч золотой;
Забушует ли вьюга, - лампада горит.
И, когда я дремлю, мое сердце не спит,
Все по нем изнывая тоской!"
То вдруг слышится мне, - тот же голос поет,
С колокольчиком грустно звеня:
"Где-то старый мой друг? я боюсь, - он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!
Что за жизнь у меня! - И тесна и темна,
И скучна моя горница: дует в окно...
За окошком растет только вишня одна.
Да и та за промерзлым окном не видна
И, быть может, погибла давно..."

Всякий согласится, что в этих трех образчиках индивидуальности поэта чувствуется с полной ясностью, что никто, кроме Полонского, не мог бы написать этих стихов, - и, однако, пусть кто-нибудь попробует определить, описать или рассказать эту индивидуальную особенность, которую они запечатлены! Можно, конечно, указать разные признаки, как-то: соединение изящных образов и звуков с самыми прозаическими представлениями; например, в первом стихотворении "рогожа кибитки", а в последнем "дует ветер в окно"; затем - смелая простота выражений, как во втором примере "я влюблен"; далее можно указать, что во всех этих стихотворениях выражаются полусонные, сумеречные, слегка бредовые ощущения. Такие указания будут совершенно верны, но совершенно недостаточны; ибо, во-первых, все эти признаки можно найти и у других поэтов, а, во-вторых, у Полонского найдутся стихотворения также типичные, но в которых эти особенности не замечаются, например: Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей,
Смелей глядит мне прямо в очи

Глубокий мрак ее очей – и т. д. {19}.

Или:

Ты, с которой так много страдания
Терпеливой я прожил душой,
Без надежды на мир и свидание
Навсегда я простился с тобой.
Но боюсь, если путь мой протянется

168

Из родимых полей в край чужой.

Одинокое сердце оглянется

И забьется знакомой тоской – и т. д. {20}.

Можно наконец печать индивидуальности видеть главным образом в преобладании тех или других звуковых сочетаний у данного поэта, но это уже конец критики, и притом конец довольно слабый; ибо ясно, что поэтическая индивидуальность никак не происходит от звукового характера стихов, а, напротив, этот специфический звуковой характер имеет свое внутреннее основание в духовной индивидуальности поэта:

чу! Поведай чуткий слух:

Ветер это или дух?

Это ветра шум – для слуха...

Это вещей дух – для духа {21}.

Вообще индивидуальность есть нечто первоначальное и неразложимое, и никакие определенные особенности, ни отдельно взятые, ни в соединении, не могут ее составить и выразить. Поэтому для "воспроизведения индивидуальности" поэта критику остается один способ: указывать на нее, так сказать, пальцем, т. е. отмечать и по возможности приводить те произведения, в которых эта индивидуальность сильнее проявилась и легче чувствуется. А затем главная, собственно критическая задача состоит все-таки не в воспроизведении, а в оценке данной поэтической деятельности по существу, т. е. как прекрасного предмета, представляющего в тех или других конкретных формах правду жизни, или смысл мира.

VI

Поэзия, как высший род художества, по-своему заключает в себе элементы всех других искусств. Истинный поэт влагает в свое слово нераздельно с его внутренним смыслом и музыкальные звуки, и краски, и пластичные формы. У различных поэтов легко заметить преобладание того или другого из этих элементов, то или другое их сочетание. В больших вещах Полонского (за исключением безупречного во всех отношениях "Кузнечика-Музыканта") очень слаба архитектура: некоторые из его поэм недостроены, другие загромождены пристройками и надстройками. Пластическая (скульптурная) сторона сравнительно также мало выдается в его стихотворениях. Зато в сильной

169

степени и равной мере обладает поэзия Полонского свойствами музыкальности и живописности. Особенно выступает поэт-живописец в кавказских стихотворениях Полонского. Здесь ему предшествовали Пушкин и Лермонтов, но он не заимствовал от них красок, и его картины Кавказа гораздо ярче и живее, чем у них. Не только Лермонтов, но даже и Пушкин брал Кавказ живьем лишь со стороны внешней природы, а человеческая действительность этого края изображается у него хотя верными, но слишком общими чертами. (Несравненное стихотворение: "Стамбул гяуры нынче славят" не относится сюда.) Напротив, в кавказских стихотворениях Полонского именно местная жизнь схвачена в ее реальных особенностях и закреплена яркими и правдивыми красками. Сравните, например, лермонтовскую легендарную "Тамару", при всем ее словесном великолепии, с историческою "Тамарой" Полонского:

Молодые вожди, завернув в башлыки

Свои медные шлемы, стоят

И внимают тому, что отцы старики

Ей в ответ говорят... {22}

Я не говорю про такое, например, чисто описательное произведение, как "Прогулка по Тифлису", которое можно, пожалуй, упрекнуть в фотографичности, но и чисто лирические стихотворения, вдохновленные Кавказом, насыщены у Полонского настоящими местными красками {23}. Вот, например, "После праздника":

Вчера к развалинам, вдоль этого ущелья

Скакали всадники, и были зажжены

Костры, и до утра был слышен гул веселья,

Пальба и барабан и вой зурны.

Из уст в уста ходила азарпеша,

И хлопали в ладоши сотни рук,

Когда ты шла, Майко, сердца и взоры теша,

Плясать по выбору застенчивых подруг.

Сегодня вновь безлюдное ущелье

Глядит пустыней, мирная пальба

Затихла, выпалось похмелье,

И съехала с горы последняя арба.

Что ж, медлю я... Бичо! – ты конюх мой проворный,

Коня!.. Ее арбу два буйвола с трудом

Везут, – догоним... Вон, играет ветер горный

Катибы бархатной пунцовым рукавом.

Сравните благородных, но безымянных черкесов романтической поэзии – с менее

благородными, но зато настоящими живыми туземцами, вроде татарина Агбара

или героического разбойника Тамур-Гассана.

170

Вставай, привратник, отвори

Ворота в караван-сарай!

Готовь ночлег для каравана

И в гости жди и угощай

Разбойника Тамур-Гассана!

Далеко слух идет о нем:

Тамур-Гассану нипочем

Отбить быков, связать чабана

Рука с нацеленным ружьем

Дрожит при имени Гассана.

Молва не даром бережет

Его от пули и булата,

Он в трех империях живет

И с каждой в дань себе берет

Коней, оружие и золото.

В народе знают, что Гассан

Хоть и в горах живет скитальцем,

Сам по себе такой же хан,

Возьмет червонцы у армян,

Но бедняка не тронет пальцем.

Даст богомольцу золотой

И с Богом в путь его проводит.

Мы помним, каким бесцветным языком изъясняются кавказские героини у Пушкина

и Лермонтова. Даже влюбившись в демона, княжна Тамара не находит ярких слов

и читает стихи точно на уроке из русской словесности:

Отец, отец, оставь угрозы,

Свою Тамару не брани,

Я плачу, видишь эти слезы.

Уже не первые они – и т. д. {24}.

Таких литературных упражнений мы у Полонского не находим. Вот каким

настоящим языком говорят у него кавказские женщины:

Он у каменной башни стоял под стеной;

И я помню, на нем был кафтан дорогой,

И мелькала под красным сукном

Голубая рубашка на нем.

Золотая граната растет под стеной;

Всех плодов не достать никакою рукой;

Всех красивых мужчин для чего

Стала б я привораживать!..

Разлучили, сгубили нас горы, холмы

Эриванские! Вечно холодной зимы

Вечным снегом покрыты они!..

Обо мне

В той стране, милый мой, не забудешь ли ты? 171

Говорят, злая весть к нам оттуда пришла?

За горами кровавая битва была!

Там засада была... Говорят,

Будто наших сарбазов отряд

Истреблен ненавистой изменой... Чу!

Кто-то скачет, копыта стучат...

Пыль столбом... Я дрожу и молитву шепчу...

Не бросай в меня камнями!..

Я и так уж ранена...

VII

Кавказская жизнь не была только картиною для молодого поэта; она,

по-видимому, сильно задела и его личное существование. Но он сохранил

свободу души и ясность поэтического сознания:

Я не приду к тебе... Не жди меня! Недаром,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучит за Авлабаром,
Всю ночь за банями поют сазандари.

Не ты ли там стоишь на кровле под чадрую
В сияньи месячном? Не жди меня, не жди!
Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди...

Когда сама душа, сама душа не знает,
Какой еще любви, каких еще чудес
Просить или желать, но просит, но желает,
Но молится пред образом небес,
И чувствует, что уголок твой душен,
Что не тебе моим молениям отвечать...

Не жди! Я в эту ночь к соблазнам равнодушен,
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать.

Неизвестно, как отнеслась прекрасная грузинка к этому
простодушно-нелюбезному обращению и чем она его объяснила; но для нас
совершенно ясно, что главная причина тут была "царь-девица" (см. начало
статьи), которая напомнила о себе поэту своим отражением в ночном небе и не
допустила его погружаться в омут "соблазнов" более, чем следовало.
Как итог всего пережитого им на Кавказе, поэт вынес бодрое и ясное чувство
духовной свободы.

Душу к битвам житейским готовую
Я за снежный несусь перевал...

Я Казбек миновал, я Крестовую
миновал, недалеко Дарьял.

Слышу, Терека волны тревожные
172

В мутной пене по камням шумят;
Колокольчик звенит и надежные
Кони юношу к северу мчат.
Выси гор, в облака погруженные,
Расступитесь! Приволье станиц...

Расстилаются степи зеленые...
Я простору не вижу границ.

И душа на простор вырывается
Из-под власти кавказских громад...

Колокольчик звенит - заливаётся,
Кони юношу к северу мчат.

Все, что было обманом, изменю,
Что лежало на мне словно цепь,

Все исчезло из памяти - с пеною
Горных рек, выбегающих в степь.

Это чувство задушевного примирения, отнимающего у "житейских битв" их
острый и мрачный, трагический характер, осталось у нашего поэта на всю
жизнь и составляет преобладающий тон его поэзии. Очень чувствительный к
отрицательной стороне жизни, к ее злобе и пустоте - он не сделался
пессимистом, не впал в уныние, которое есть смертный грех не только для
религии и философии, но также и для поэзии. В самые тяжелые минуты личной и
общей скорби для него не закрывались "щели из мрака к свету".

Мой ум подавлен был тоской,
Мои глаза без слез горели;

Над озером сплетались ели,
Чернел камыш, - сквозили щели

Из мрака к свету над водой,
И много, много звезд мерцало;

Но в сердце мне ночная мгла
Холодной дрожью проникала,

Мне виделось так мало, мало
Лучей любви над бездной зла {25}.

Но эти лучи никогда не погасали в его душе, они отняли злобу у его сатиры и
позволили ему создать его оригинальное произведение "Кузнечик-Музыкант"
{26}.

Чтобы ярче представить сущность жизни, поэты иногда продолжают, так
сказать, ее линии в ту или другую стороны. Так Дант вымотал человеческое
зло в девяти грандиозных кругах своего ада. Полонский стянул и сжал обычное
содержание человеческой жизни в тесный мирок насекомых. Данту пришлось над
мрачную громадою своего ада воздвигнуть еще два огромные мира - очищающего
огня и торжествующего света: Полонский мог вместить очищающий

и просветляющий моменты в тот же уголок поля и парка. Пустое существование, в котором все действительно мелко, а все высокое есть иллюзия существования человекообразных насекомых или насекомообразных людей, преобразуется, получает достоинство и красоту силою чистой любви и бескорыстной скорби. Этот смысл, разлитый во всей поэме, сосредоточивается в заключительной сцене – похорон, производящей до известной степени, несмотря на микроскопическую канву всего рассказа, то очищающее душу впечатление, которое Аристотель считал назначением трагедии.

Первостепенное место в русской поэтической литературе было бы обеспечено за Полонским в том случае, если бы он создал только "Кузнечика-Музыканта", подобно тому, как Грибоедов всем своим литературным значением обязан единственно своей знаменитой комедии. Но у Полонского, слава Богу, много и другого богатства, которому мы дали очень неполный инвентарь. Из более крупных жемчужин назовем еще "Кассандру".

Заметим, однако, что она не без изъяна, от которого, впрочем, ее очень легко было бы избавить, – стоит только зачеркнуть четвертую и пятую строфу, не изменяя ни буквы в предыдущем и последующем. Дело в том, что эти две строфы (от стиха "Аполлона жрец суровый" и до стиха "Шла из отчего дворца" включительно) составляют пояснительную вставку, излишнюю для понимания и решительно портящую поэтическое впечатление. Превосходный образ идущей на свидание с Аполлоном пророчицы:

Лишь Кассандра легче тени,
Не спеша будить отца,
Проскользнула на ступени
Златоверхого дворца;

Ей в лицо прохлада дышит.
Ночи темь в ее очах;
Складки длинные колышет
Удаляющийся шаг...

Глухи Гектора чертоги,
Только храмы настезь – там
Только мраморные боги
Предвкушают фимиам...

Этот прекрасный образ и прекрасные стихи вдруг прерываются объяснением закулисной тайны – как и почему жрец Аполлона подстроил это дело:

В этом видел он спасенье
Трои, замкнутой врагом,
И ей дал благословенье,
174

Сочетаться с божеством;
Скрыв свое негодование
К назиданиям жреца,
Дочь Приама на свиданье
Шла из отчего дворца...

Это неуместное объяснение, изложенное ужасно прозаическими стихами, сильно портит поэму; а между тем ничто не мешает его выпустить и после мраморных богов, предвкушающих фимиам, прямо продолжать:

Вот уж видны ей: могила,
С новой урной саркофаг,
Даль залива, и ветрила,
И костры, и дым в горах...

Далее через несколько строф есть еще маленькая вставка, менее портящая дело, но все-таки лишняя и столь же легко устранимая, именно начало речи самой Кассандры:

Полюбила б я, быть может,
Да любви мешает стыд...
Участь родины тревожит...
Неизвестность тяготит...

Зачем это флегматическое рассуждение, мало соответствующее обстоятельствам времени, места и образа действия, когда далее следуют такие ясные и сильные стихи:

Ты стрелой сразил Ахилла,
Но Зевес, отец твой, нам
За Ахилла мстит, и сила
Напирает на Пергам.

Я устала ненавидеть,
Я любить хочу, но знай,
Я, любя, хочу предвидеть,
Дар предвиденья мне дай!

VIII

Соловьев В. Поэзия Я.П. Полонского filosoff.org

В больших поэмах Полонского из современной жизни (человечьей и собачьей), вообще говоря, внутреннее значение не соответствует объему. Нельзя, однако, согласиться с теми критиками, которые отрицают у этих стихотворных повестей всякое поэтическое достоинство и уверяют, что автор писал их стихами только потому, что ему легко дается версификация. Но не менее легко он может писать и прозой, как доказывают его обширные романы {27}. Во всяком случае было бы жалко, если бы он не воспользовался стихом для такого, например, описания (в поэме "Мими"):

175

Вот он плэд свой перекинул
На плечо и, не тревожа
Спящей, темными дверями
Вышел вон дышать цветами
Южной ночи, в этот сад,
В этой трепетной прохладе,
Где богинь немало белых,
Под резцом окаменелых,
В неподвижных покрывалах,
На высоких пьедесталах.
Где из-за горы лесистой,
Озаренное луною,
Светит море золотистой
Уходящей полосой,
И, любовно ластаясь к сонным
Берегам, загроможденным
Сглаженными валунами,
Лоснящимися волнами
Их зализывает раны
И на отмели песчаны
Точно сыплет жемчугами
Перекатными; и мнится,
Кто-то ходит и боится
Разрыдаться, только точит
Слезы, в чью-то дверь стучится,
То шурша назад волочит
По песку свой шлейф, то снова
Возвращается туда же
И затем же... и другого
Ничего нет,- вечно та же
Музыка, пульс жизни вечной
Мировой, земной, сердечной.

Настоящее собрание стихотворений Полонского достойно заканчивается правдивым поэтическим рассказом "Мечтатель". Смысл его в том, что мистическая мечта рано умершего героя оказывается чем-то очень действительным.

Вообще в последних своих произведениях Полонский заглядывает в самые коренные вопросы бытия. Между прочим, его поэтическому сознанию становится ясною тайна времени - та истина, что время есть только перестановка в разные положения одного и того же существенного смысла жизни, который сам по себе есть вечность. Указания на эту истину я вижу в стихотворении "Аллегория", яснее - в стихотворении "То в темную бездну, то в светлую бездну", и всего яснее и живее сводит поэт концы с концами временного существования в один круг вечности в следующих стихах:

Детство нежное, пугливое,
Безмятежно шаловливое
В самый холод вешних дней
176

Лаской матери пригретое
И навеки мной отпетое
В дни безумства и страстей,
Ныне всеми позабытое,
Под морщинами сокрытое
В недрах старости моей,
Для чего ты вновь встревожило
Зимний сон мой,- словно ожило
И повеяло весной?
- Старче! Разве ты - не я?
Я с тобой навеки связано,
Мной вся жизнь тебе подсказана,
В ней сквозит мечта моя:
Не напрасно вновь являюсь я,

Твоей смерти дожидаясь я,
Чтоб припомнило и я
То, что в дни моей беспечности
Я забыло в недрах вечности,
То, что было для меня {28}.

Этим прекрасным, оригинальным и глубокомысленным комментарием на евангельский стих: "если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное" {29}- заключу свой краткий и неполный очерк; моя задача была не исчерпать поэзию Полонского, а только отметить в ней самое ценное, на мой взгляд.

177

КОММЕНТАРИИ: ПОЭЗИЯ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Впервые напечатана в "Литературных приложениях" к журналу "Нива", 1896, No 2, с. 367 - 380; No 6, с. 297-321.

Поэзия Полонского рано вошла в сознание Вл. Соловьева. Я. П. Полонский был соучеником и товарищем С. М. Соловьева по Московскому университету, и в семье Соловьевых его творчество пользовалось всеобщим вниманием. Вл. Соловьев знал поэта и находился с ним в переписке. В 1890 г. Вл. Соловьев написал статью "О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского", небольшой раздел которой был посвящен сборнику Полонского "Вечерний звон" (СПб., 1890). Соловьев утверждал: "Россия может гордиться своими лирическими поэтами. Из ныне живущих первое место бесспорно принадлежит Фету и Полонскому" (VI, 239). Соловьев-поэт испытал несомненное воздействие Полонского. Стихотворение "На смерть Я. П. Полонского" (19 октября 1898 г.) завершают строки:

Новый путь протянется
Ныне пред тобой,
Сердце все ж оглянется
С тихую тоской.

Соловьев как бы переосмыслил слова Полонского:

Но боюсь, если путь мой протянется
Из родимых полей в край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И сожмется знакомой тоской.

("На пути из-за Кавказа", 1851).

{1} Соловьев полностью приводит стихотворение "Царь-девица" (1876).

396

{2} Строки стихотворения Лермонтова "Как часто, пестрою толпою окружен..." (1840).

{3} Стихотворение 1876 г. процитировано без последних восьми строк, в которых не одна "злоба дня и проза", но и важный для Полонского вывод: Оттого ль, что он в народ свой

Верил и - страдал,
И ему на цепи братьев
Издали казал,
Чую: дух его то верит,
То страдает вновь,
Ибо льется кровь за братьев,
Льется наша кровь!..

{4} Начальные строки стихотворения "Кассандра" (1890), которое ниже цитируется в больших отрывках.

{5} Стихотворение Фета "Одним толчком согнать ладью живую..." (1887).

{6} Начальные строки стихотворения "В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета (1889 г. 28-го января)" (1889).

{7} Стихотворение "Уже над ельником из-за вершин колючих..." (1844) приведено Соловьевым полностью.

{8} Из стихотворения "Теперь" (не позднее 1884 г.)

{9} Имеется в виду А. А. Фет, который перевел, в частности, основное сочинение Шопенгауэра "Мир как воля и представление".

{10} Строки из стихотворения "О, подними свое чело..." (1843).

{11} Последние строки стихотворения "Утро" (1845).

{12} Стихотворение "На корабле", написанное в 1856 г., Соловьев приводит полностью.

{13} Ниже критик делает обширные выписки из стихотворения "Юбилей Шиллера", которое датировано автором 1862 г. Стихотворение "Шекспиру" написано в 1864 г.

{14} Из стихотворения "Царство науки не знает предела..." (1856).

{15} Последняя строфа стихотворения "Письма к музе", письмо 2-е (1878).

{16} Начало стихотворения "15 июля 1888 года. В 900-летний юбилей крещения России".

{17} Соловьев соединяет и неточно цитирует два варианта стихотворения

Соловьев В. Поэзия Я.П. Полонского filosoff.org
"Вечерний звон" (1890).
{18} Ниже процитированы знаменитые стихотворения Полонского "Зимний путь" (1844), "Качка в бурю" (1850), "колокольчик" (1854). Последнее приведено почти целиком (без последней строфы).
{19} Первые строки стихотворения "Пришли и стали тени ночи..." (1842).
{20} Неточная цитата из стихотворения "На пути из-за Кавказа" (1851).
{21} Неточно цитируется последняя строфа стихотворения Полонского "Могила в лесу" (1875 - 1876).
{22} Строки стихотворения "Тамара и певец ее Шота Руставель" (1851).
397
{23} Ниже Соловьев приводит (с небольшими неточностями) строки стихотворений, написанных Полонским под впечатлением пребывания в Закавказье: "После праздника" (1849), "Караван. Отрывок из восточной повести" (1851), "Татарская песня" (1846), "Не жди" (1849). "На пути из-за Кавказа".
{24} Начало второй части лермонтовского "Демона".
{25} Соловьев полностью приводит стихотворение "Мой ум подавлен был тоской..." (1874).
{26} Поэма-сказка "Кузнечик-музыкант. Шутка в виде поэмы" была написана в 1859 г.
{27} Полонскому принадлежат поэмы "Келиот", "Братья", "Мими", юмористическая поэма "Собаки", роман в стихах "Свежее преданье", романы в прозе "Дешевый город", "Признания Сергея Чалыгина", "Крутые горки", повести и рассказы. Этой стороны его творчества Соловьев почти не касается.
{28} Строки стихотворения "Детство нежное, пугливое..." (1887).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!